

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080007035-5

ВКЛАД Ю.Н. РЕРИХА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНДОЛОГИИ

© 2020

А.М. ШУСТОВА^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9372-6553; parinama@yandex.ru

Резюме: Для истории востоковедения Ю.Н. Рерих является важной фигурой. Его вклад в развитие тибетологии, монголоведения, истории Центральной Азии огромен. В статье рассматривается его вклад в отечественную индологию.

Получив классическое индологическое образование в лучших по тем временам западных университетах – в Лондонском университете, Гарварде и Сорбонне, где преподавали выдающиеся востоковеды, Ю.Н. Рерих всю свою научную карьеру следовал принципам школы классической индологии. Причем Ю.Н. Рерих понимал предмет (ареал) индологии широко: не в географическом плане, а как культурно-исторический мир, включающий в себя кроме собственно Индии (Южной Азии) также Центральную Азию, Тибет и Монголию. Подобный взгляд Рериха опирался на сложившуюся традицию в российской школе востоковедения, в которой до 1930-х годов главенствовала буддологическая школа Ф.И. Щербатского. Согласно ей, задачей индологии, помимо прочего, было исследование всего пространства индийского буддизма.

В данной статье анализируются следующие работы Ю.Н. Рериха: «Профессор Чарлз Рокуэлл Ланман и его труды в области индологии», «Сказание о Раме в Тибете» и «Индология в России».

В 1930-х гг. востоковедение в России подверглось репрессиям. В итоге буддология, и особенно тибетология, почти перестала существовать. После возвращения на Родину в 1957 г. Ю.Н. Рериху пришлось возрождать утерянную научную школу. Вклад Ю.Н. Рериха в дело подготовки молодых советских индологов, а также буддологов и тибетологов, трудно переоценить. Многие его ученики стали гордостью отечественной науки. А после распада СССР они сохранили традиции и сумели передать их уже своим ученикам, а те – своим. Таким образом, преемственность отечественной школы индологии сохранилась. И Ю.Н. Рерих, как никто другой, поспособствовал этому.

Для индологии в России Ю.Н. Рерих стал не просто вернувшимся из эмиграции учёным. Он не только обогатил отечественную индологию своими научными трудами. Он стал символом возрождения востоковедной науки, необходимым звеном в длинной цепи научной преемственности.

Ключевые слова: история востоковедения, индология в России, Ю.Н. Рерих, индология в СССР, научная преемственность

Для цитирования: Шустова А.М. Вклад Ю.Н. Рериха в развитие отечественной индологии. Восток (Oriens). 2020. № 1. С. 160–177. DOI: 10.31857/S086919080007035-5

GEORGE N. ROERICH'S CONTRIBUTION TO RUSSIAN INDOLOGY

© 2020

Alla M. SHUSTOVA^а

^а – Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9372-6553; parinama@yandex.ru

Abstract: George N. Roerich presents a prominent figure in the history of Oriental studies. His contribution to the development of Tibetology, Mongolian studies, and the history of Central Asia is outstanding. This article deals with George Roerich's contribution to Russian Indology. George Roerich

graduated from the best Western universities: London University, Harvard, and Sorbonne, where he received classical indological education. During his entire scholarly career Roerich followed the principles of classical Indology. Roerich understood the academic field of Indology broadly: Not just in a geographical sense, but rather as a cultural-historical unity, including not only India (South Asia), but also Central Asia, Tibet, and Mongolia. This approach originated in the tradition of Russian Oriental studies, where Fyodor Shcherbatsky's school of Buddhology had prevailed until the 1930s. According to this view, the subject of Indology included research of all the places where Indian Buddhism was spread. The paper looks at the following works of George Roerich: "Professor Charles Rockwell Lanman and His Indological Works" (1931), "The Story of Rama in Tibet" (1960), and "Indology in Russia" (1945). In 1930s Oriental studies in Russia suffered severe repressions; all schools of Buddhology (and especially Tibetology) almost disappeared. On his return to Russia in 1957, George Roerich began to revive academic scholarly approaches to Indological research. His contribution to the training of young Soviet indologists, buddhologists, and tibetologists was significant. After the breakup of the USSR, his students kept the scholarly traditions of the classical Indology and handed them over to their students, maintaining the succession of the Russian Indology, that would have been impossible without George Roerich. For Russian Indology Roerich was not only a scholar who returned from emigration and enriched Oriental Studies with his academic input, but also became the symbol of the Asian Studies revival, the unique link in the long chain of the academic succession.

Keywords: *history of Asian Studies, Indology in Russia, George Roerich, Indology in USSR, academic succession*

For citation: Shustova A.M. George N. Roerich's Contribution to Russian Indology. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 160–177. DOI: 10.31857/S086919080007035-5

Ю.Н. Рерих известен, прежде всего, как тибетолог и монголовед и в меньшей степени как индолог. Тем не менее его вклад в индологию также значителен.

В среде ученых существуют разные мнения о том, что такое индология. Некоторые относят к ней лишь классическую индологию, связанную с источниками на санскрите и других древних языках Индии. Современную индологию, имеющую дело с научной литературой на западных и современных индийских языках и использующую методы современной социологии, политологии, экономики и других наук, бурно развивающихся в последнее время, даже перестали называть индологией, а называют чаще «индийскими (южноазиатскими) исследованиями» (South Asian studies). На мой взгляд, индологией все же надо называть науку, захватывающую всю сферу индийской культуры от древности до современности.

Ю.Н. Рерих понимал сферу индологии широко: не в географическом плане, а как культурно-исторический мир, включающий в себя кроме собственно Индии (Южной Азии) также Центральную Азию, Тибет и Монголию, куда доходили волны океана индийской культуры и где на базе переводов с санскрита развивались свои школы мысли. И хотя эти школы мысли наделялись местными чертами, они являлись по своей внутренней сути продолжателями великой индийской традиции. Так, Ю.Н. Рерих относил к культурно-историческому миру Индии бывшие буддийскими регионы Восточного Туркестана, а также Тибет и Монголию, чья буддийская культура берет свои истоки в Индии.

Подобный взгляд Рериха не был новаторским. Ученый следовал традициям, сложившимся в российской школе востоковедения. Буддологическая школа Ф.И. Щербатского, главенствовавшая в российской индологии до 1930-х гг., как раз считала исследование всего пространства индийского буддизма предметом изучения индологии. Как известно, именно индийский буддизм одним из своих потоков проник далеко на север, охватив Восточный Туркестан, Тибет и Монголию, достигнув в свое время – через тибетскую его форму – областей и Российской империи.

Важно отметить, что Ю.Н. Рерих получил востоковедное образование именно как индолог, что наложило отпечаток на все его дальнейшие исследования. В 1919 г. он поступил на индо-иранское отделение в Школу восточных языков (School of Oriental Studies) при Лондонском университете. Постижение древнего индийского языка проходило достаточно успешно, так что посетившему Лондонский Университет государственному секретарю по делам Индии Юрий в 1920 г. был представлен как лучший студент на курсе в изучении санскрита.

После года обучения в Англии в связи с переездом семьи в Америку Рерих перевелся на отделение индийской филологии в Гарвардский Университет (Кембридж, Массачусетс). В этом университете он получил степень бакалавра по отделению индийской филологии. Затем ему предстал еще один переезд, в континентальную Европу, где он поступил в Коллеж де Франс и Школу Высших исследований при Парижском университете – в знаменитую Сорбонну. Там он обучался на Индийском, Тибето-Монгольском и Средне-Азиатском отделениях, а также в Институте славянских исследований.

В 1923 г. Ю.Н. Рерих закончил востоковедное образование и получил ученую степень магистра индийской словесности. Таким образом, по своему базовому востоковедному образованию Рерих был индологом.

В Лондоне Юрий изучал санскрит у известного британского востоковеда, директора Лондонского Института изучения Востока, профессора Денисона Эдварда Росса (1871–1940). Профессор Росс имел феноменальную память, что позволило ему стать полиглотом, он знал около пятидесяти языков. Кроме того, он долгое время жил в Индии и хорошо знал местную специфику.

В Гарварде Рерих изучал санскрит и пали под руководством знаменитого индолога профессора Чарльза Рокуэлла Ланмана (1850–1941). Профессор Ланман был выдающимся востоковедом своего времени, специалистом по ведийской и буддийской литературе. Именно с его приходом в Гарвард в 1880 г. санскритские исследования получили новую жизнь, а Гарвард стал одним из ведущих центров индологии. Ланман предпринял большое путешествие в Индию, откуда привез более 500 ценных рукописей на санскрите и пракритах. Эти письменные источники легли в основу коллекции индийских рукописей Гарвардской библиотеки.

В 1891 г. Ланман основал «Harvard Oriental Series» («Гарвардскую восточную серию»), в которой планировалось печатать английские переводы памятников древнеиндийской литературы. В эту серию вошли жемчужины индийской духовной мысли, такие как «Джатака-мала» Арья Шуры (VII в.), «Санкхья-правачана-бхашья» Виджнянабхикшу, драма «Карпура-маньджари» поэта Раджасекхары (X в.), «Атхарваведа», «Панчатантра», «Шакунтала» Калидасы, «Йога-сутра» Патанджали, «Кришна Яджурведа», брахманы «Ригведы».

Поездка Ланмана в Индию была настолько плодотворной для его индологических исследований, что после нее он выдвинул идею о необходимости пребывания будущих индологов в Индии и освоения ими одного из важных разговорных современных индийских языков (хинди, бенгали, маратхи и др.). Поэтому и от своих учеников Ланман не только ждал приобретения знаний в университетских аудиториях, но и настаивал на том, чтобы они обязательно выезжали в исследовательские командировки в Индию, в крупные центры санскритологии, такие как Пуна или Бенарес.

Следуя советам учителя, Рерих также собирался отправиться в научную командировку в Индию во время или после окончания учебы. В рамках этой поездки профессор Ланман рекомендовал молодому ученому посетить его проживающего в Пуне ученика-индуса доктора С.К. Белвалкара, автора вошедшего в «Гарвардскую восточную серию» перевода поэмы Бхавабхути «Уттарарама-чарита» с санскрита на английский. Тогда поездка Рериха в Индию и посещение пунского санскритолога не состоялись.

Но через некоторое время Рерих все же оказывается в Индии, уже со своими родителями. Теперь у молодого ученого возникли новые планы, связанные с изучением буддийского искусства¹.

Роль профессора Ч.Р. Ланмана в становлении Юрия Рериха как востоковеда действительно была значительной. Как дань уважения своему учителю в честь его 80-летия Ю.Н. Рерих написал посвященную ему статью «Профессор Чарлз Рокуэлл Ланман и его труды в области индологии» [Рерих, 1999(5); Roerich, 1931, p. 1–6]. Ланману посвящался и первый выпуск журнала «Urusvati» Института Гималайских исследований «Урусвати», учрежденного Рерихами в 1928 г. (руководителем Института был Ю.Н. Рерих). Более того, профессор Ч.Р. Ланман был избран вице-президентом этого Института.

В Сорбонне Юрий совершенствовал индологические знания у французского востоковеда, санскритолога и философа Сильвена Леви (1863–1935). Леви состоял иностранным членом-корреспондентом Российской академии наук, он консультировал русского поэта-символиста Константина Бальмонта в его работе по переводу поэмы индийского поэта Ашвагоши «Буддха-чарита» («Жизнь Будды»).

Научным руководителем Рериха в Сорбонне стал французский востоковед, профессор Поль Пеллио (1878–1945). Пеллио был востоковедом широкого профиля, владел более чем 15 языками, в том числе и русским. Ученый был известен тем, что в 1906 г. совершил экспедицию в пещеры древнего китайского города Дуньхуана в провинции Ганьсу, где исследовал библиотеку древних буддийских текстов. Некоторые из них были написаны на тохарском языке (тохри). В 20-е гг. XX в. Пеллио был лучшим специалистом по тохарской проблеме. В 1934 г. он опубликовал труд «Тохары и кушаны». Рерих также заинтересовался тохарской проблемой, что позже вылилось в ряд статей [Рерих, 1999(1), Рерих, 1999(2)].

Таким образом, Рериху посчастливилось поучиться у светил тогдашней востоковедной науки. Как способный ученик, он хорошо освоил классические научные методы в востоковедении, следовал им и развивал их на протяжении всей своей научной карьеры.

Как и большинство молодых индологов, Юрий Рерих рано начал делать переводы с санскрита и пали. В Гарварде под руководством профессора Ланмана он переводил с санскрита на русский язык «Иша-», «Катха-» и «Чхандогья-» упанишады, а также «Гирлянда джатак» Арьяшуря.

В письме своему другу В.А. Шибаеву 26 июня 1921 г. он писал: «За последнее время я много работал над переводом на русский яз[ык] некоторых Упанишад (Iṣa, Katha, Chandogya и т.д.)» [Рерих, 2002, с. 35]. Работу по переводу упанишад он завершил уже в Индии, в Дарджилинге, в 1925 г. Важно, что Юрий не просто переводил санскритские тексты, но и вникал в их внутреннюю суть, постигал их глубокий философский смысл. Эта черта осталась у него в течение всей его дальнейшей переводческой деятельности.

Во введении к переводу Иша упанишады Ю.Н. Рерих отмечает особый характер упанишад, их тесную связь с аскетической практикой духовных подвижников. Он также делает вывод об универсальности этого памятника древнеиндийской мысли, значение основных текстов которого лежит в русле древней духовной традиции Индии, в которой одним из основных моментов является связка ученик-учитель. Рерих делает акцент на том, что в упанишадах имеются тексты, говорящие о том, что развитие духовности присуще всем людям независимо от кастовой принадлежности.

Также нужно упомянуть о работе по переводу с санскрита одного из самых известных духовных текстов Индии – Бхагавадгиты. Эту работу Рерих вел в качестве помощи одному из членов Теософского общества – Ирме Владимировне (де) Манциарли (1878–

¹ Первой серьезной работой Ю.Н. Рериха стала монография «Тибетская живопись» [Roerich, 1925].

1956), с которой Рерихи были хорошо знакомы. Так, в письме родителям Юрий пишет 30 октября 1922 г.: «...много работаем над Гитой»² [*Юрий Рерих: молодые...* 2016, с. 87].

Помимо переводческой работы с санскрита молодой Ю.Н. Рерих начинает писать статьи, в которых поднимает как общие вопросы индологии, так и вопросы по истории индологии.

В работе «Рассвет ориентализма» (*L'essor de l'orientalisme*), опубликованной в 1923 г. в Париже в журнале «*La vie des peuples*» еще совсем молодым ученым, Рерих рассматривает вопрос о месте культуры Индии в науке о Востоке. Он пишет о всеобъемлющем культурном влиянии Индии на древний мир и использует для выражения своих мыслей английское³ определение *Greater India* (Великая Индия): «Изучение древностей Центральной Азии, Индокитая и Малайзии позволило рассмотреть Индию в соотношении с теми странами, куда проникали ее культура и религия. Этот новый взгляд на вещи нашёл свое выражение в английском определении – *Greater India*, которое используется все чаще и чаще. Исследование Центральной Азии выявило тесные связи, существовавшие между царствами Китайского Туркестана и Индией» [Рерих, 1999(4), с. 17].

Рерих понимал термин «Великая Индия» в культурном и философском смысле. Величие и древность культурно-философского наследия Индии вряд ли кто может оспорить. На этом наследии выстраивались более поздние культуры сопредельных стран.

Рериха также волновала недостаточная изученность древней истории Индии, а также тех пограничных исторических вопросов, которые «уходят корнями в глубь веков, относительно миграций народов, которые принято называть индоевропейскими» [Рерих, 1999(4), с. 16]. Он писал, что и в самой Индии «остается много не задействованных пока источников» [Рерих, 1999(4), с. 16].

Интересно, что в картине Великой Индии Рерих находил место и России, чья культура также почерпнула «индийских сокровищ», а сделала она это через кочевников Юга России, которые были связаны с племенами Китайского Туркестана, куда, в свою очередь, распространялось культурное влияние Индии.

Рерих приходит к выводу о необходимости нового этапа в развитии востоковедения, а именно «всеобщего синтеза, который, отвечая требованиям современной науки, отразил бы историческое развитие стран Востока в совокупности» [Рерих, 1999(4), с. 18]. Важно, что Рерих видел основой такого синтеза культурное наследие Индии, через призму которого можно увидеть культурные достижения и других стран Древнего Востока. Это был новый взгляд не только на историю Индии, но и на историю Востока в целом.

Историко-культурной концепции Великой Индии как методологическому принципу Рерих придерживался в своих исследованиях на протяжении всей своей научной карьеры. Поэтому какую бы проблему он ни рассматривал, изучая Центральную Азию, а также сопредельные регионы, в его рассуждениях всегда находилось место индийской теме.

Хорошим примером применения рериховского методологического принципа является его статья «Сказание о Раме в Тибете» (1960) [Рерих, 1999(3)]. В ней Рерих исследует индийский след в тибетской эпической литературе. Причем, он отмечает существование индийских заимствований не только в Тибете, но и в Монголии, а также в восточной части Центральной Азии. Более того, он пишет о проникновении индийских эпических сюжетов и на запад, в степи Поволжья, в Россию, где они «вошли в народную среду, стали подлинным достоянием народа» [Рерих, 1999(3), с. 116].

² Вероятно, И.В. Манциарли готовила второе издание русского перевода Бхагавадгиты. Первое вышло в 1914 г. (издание журнала «Вестник теософии», опубликованное в типографии Калужской Губернской Земской Управы). Позже она работала над французским переводом Гиты. Юрий мог помогать ей и в этом переводе.

³ По мнению некоторых исследователей, «англоязычное», придуманное индийцами. Однако подобные рассуждения могут привести в сферу риторики индийского национализма, что не имеет ничего общего с тем смыслом, который Ю.Н. Рерих вкладывал в понятие «Великая Индия».

Тибет он рассматривает как часть большого культурного мира Индии, куда в свое время дошло индийское культурное влияние. Древнеиндийское «Сказание о Раме» проникло в Страну снегов достаточно рано. Известные тибетские версии Рамаяны относятся к VIII–IX вв. Причем, как отмечает Рерих, тибетские переводчики подходили к текстам достаточно творчески, они создали свои многочисленные версии этого древнеиндийского эпоса. Он отмечает, что «на тибетском языке существуют не только переводы с санскрита и, вероятно, пракритских версий, но и литературные переработки, как бы пересказы древнеиндийских оригиналов; тибетские авторы часто заимствовали сюжеты индийских оригиналов и создавали самостоятельные оригинальные произведения. Многие из тибетских переводов и литературных переработок восходят к не дошедшим до нас версиям, широко распространенным по всему индийскому миру и соседним странам, куда проникла древнеиндийская культура. Так, хорошо известный сказочный сборник Панчатантра, носящий дидактический характер, стал рано известен в монгольской степи» [Рерих, 1999(3), с. 116]. Важно отметить замечание ученого о том, что многие первоначальные тексты, утерянные по какой-то причине на индийской родине, сохранились в тибетских переводах, что делает их особо ценными.

Индийская традиция поэтики хорошо прослеживается в переводах тибетских авторов. Рерих замечает: «Тибетская поэтика – это наследница древнеиндийской кавьи, и в ней используются определенные приемы поэтики, заимствованные из Индии. С теорией древнеиндийской поэтики тибетцы хорошо знакомы по трактату Ратнакарашанти – Чхандоратнакара, тибетский перевод которого включен в тибетскую Трипитаку (bsTan-'gyur, mDo, CXVIII). <...> Традиции древнеиндийской поэтики по сей день культивируются во многих местах Восточного Тибета, или Кама, и в особенности в области Дэргэ, на северо-востоке Тибетского нагорья, где сохранилась прочная традиция изучения как древнеиндийской грамматики (вьякарана), так и трактатов по поэтике» [Рерих, 1999(3), с. 117].

Рерих также замечает, что «часто эти произведения художественной литературы написаны на очень трудном и малопонятном для широких народных масс языке. Этим объясняется тот факт, что поэтические произведения на тибетском языке пользуются известностью лишь среди ограниченного круга знатоков изящной словесности в Тибете, а имена известных поэтов, составителей кавьи (sNan-ngag-mkhan), вообще остаются по сей день неизвестными вне Тибета и знакомы лишь ограниченному кругу лиц в Монголии» [Рерих, 1999(3), с. 117]. Это замечание ученого говорит об элитарном характере тибетской поэтики, но в этом нет ничего удивительного, ведь и в самой Индии поэмы на санскрите были достоянием лишь достаточно узкого образованного слоя людей. Древнеиндийская кавья была искусством, ей надо было обучаться многие годы. Таковой она стала и в Тибете, сохранив многовековую традицию своего бытования в культуре Востока.

Рерих заключает свой доклад «Сказание о Раме в Тибете» следующими словами: «“Сказание о Раме” проникло и на север, в Центральную Азию. Профессор К.Ф. Голстунский подготовил к печати краткую версию Сказания на калмыцком языке⁴. Дальнейшие поиски, вероятно, обнаружат “Сказание о Раме” и в Монгольской степи» [Рерих, 1999(3), с. 122].

Действительно, научное предвидение Рериха оправдалось. Монгольский тибетолог Цэндийн Дамдинсүрэн (1908–1986), занимавшийся исследованием истории эпоса о Гесэре и происхождении Калачакры, нашел и проанализировал монгольские версии сказания о Раме. Свои выводы он изложил в монографии «Рамаяна в Монголии» [Дамдинсүрэн, 1979].

⁴ В настоящее время рукопись работы К. Ф. Голстунского хранится в библиотеке Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР. – Прим. Ю.Н. Рериха.

Работа Ю.Н. Рериха «Профессор Чарлз Рокуэлл Ланман и его труды в области индологии» (1931) посвящена, по большому счету, не столько деятельности этого ученого, сколько истории индологии. В ней автор справедливо замечает, что вторая половина XIX в. была поистине эпохой небывалого подъема индологических исследований на Западе, а также и в России. Это была своего рода «золотая эра» индологии. Причем, упор делался на переводе и изучении древнеиндийских текстов, которые в большом количестве стали попадать в руки исследователей. Появлялись санскритские словари, хрестоматии, переводы ведийских, джайнских и буддийских текстов с санскрита и пали. Рерих в этой статье отметил опубликованный Императорской Российской Академией наук в 1855–1875 гг. «Большой петербургский санскритский словарь», составленный О. Бётлингком и Р. Ротом [Böhlingk, Roth, 1855–1875]. Он характеризовал его не иначе как памятник научной деятельности российской школы санскритологии.

Сам Рерих многие годы работал над тибето-русско-английским словарем с санскритскими параллелями [Рерих, 1983–1993]. Несмотря на то что этот словарь был прежде всего словарем тибетского языка, Рерих показал себя в этой работе и как блестящий санскритолог, продолжающий лучшие традиции мировой индийской филологии.

В конце XIX в. в области индологических исследований появились яркие ученые. Одним из таких Рерих по праву считал своего учителя Чарлза Рокуэлла Ланмана (1850–1941), который, в свою очередь, был учеником другого великого американского индолога и лингвиста – В.Д. Уитни (1827–1894).

По воспоминаниям Рериха, профессор Ланман как наставник старался воспитать в своих учениках такие качества настоящего ученого, как следование строгим методам исследования, стремление к накоплению обширных познаний по предмету изучения, а также лингвистическую пронизательность. Несомненно, все эти качества воспринял и молодой Рерих, который, в свою очередь, будучи уже сам в роли наставника, сумел воспитать подобные качества и в своих учениках. Рерих писал: «Ланман всегда был вдохновенным преподавателем и творил чудеса, руководя своими учениками» [Рерих, 1999(5), с. 231].

Но особой заслугой профессора Ланмана Рерих считал масштабный проект по переводу на английский язык и комментированию огромного свода индийских текстов, который осуществился в издании «Harvard Oriental Series» («Гарвардской восточной серии»), основанной в 1891 г. Рерих писал об этом проекте так: «Это монументальная серия, как пример научного издания и редакторского искусства не имеющая себе равных» [Рерих, 1999(5), с. 232].

В статье «Профессор Чарлз Рокуэлл Ланман и его труды в области индологии» Рерих описывает содержание этой серии. По всему видно, что он был хорошо осведомлен о всех ее томах, вышедших ко времени написания статьи: какие тексты они содержали и кто был их переводчиками. Он не только сделал обзор изданных томов, но иногда давал им и свою оценку. О десятом томе, куда вошел большой ведический указатель, составленный профессором М. Блумфилдом, ученый пишет: «Этот огромный том – сокровищница информации и вечный памятник трудолюбию и познаниям американской школы санскритологов» [Рерих, 1999(5), с. 233].

Рерих отмечал, что Ланман почтил своего учителя профессора В. Д. Уитни, поместив «Атхарваведу» в его переводе и с его критическими и экзегетическими комментариями в седьмой и восьмой тома Гарвардской серии. «Эти тома, – написал Рерих, – шедевр научного издания текстов и достойный памятник сотрудничеству двух видных ученых – учителя и ученика» [Рерих, 1999(5), с. 232]. В свою очередь, данной статьей Рерих также отметил вклад в индологию своего учителя. Таким образом, на примере этой цепочки ученых разных возрастов мы можем проследить непрерывность индологической традиции в востоковедении.

Высокая оценка Рерихом «Гарвардской восточной серии» для нас важна, в первую очередь, тем, что с исторической точки зрения эта серия действительно явилась уникальным памятником сотрудничества блестящих индологов. Делая обзор тридцати уже изданных томов, ученый указывал, что это начинание профессора Ланмана непременно должно быть продолжено.

Так и произошло. Публикация переводов памятников индийской литературы продолжалась. Последний, 73-й том вышел в 2009 г., в него вошел текст *Vishnu-smriti* [Olivelle, 2009]. Таким образом, временной интервал «Гарвардской восточной серии» охватывает более ста лет: с конца XIX, все протяжении XX, и полностью осуществлен уже в начале XXI в. Для истории индологии это весьма примечательный факт.

Будучи в Америке в 1929 г., Рерих вновь приехал в Кембридж. Он застал своего учителя профессора Ланмана в работе по подготовке новых четырех томов «Гарвардской восточной серии», в которые должен был войти перевод «Ригведы» К. Ф. Гелднера.

Статья «Профессор Чарлз Рокуэлл Ланман и его труды в области индологии», написанная в 1931 г., – это существенный вклад Рериха в исследование истории мировой индологии.

В 1945 г. Ю.Н. Рерих опубликовал на английском языке в *Journal of the Greater India Society* статью «Индология в России» [Roerich, 1945]⁵. Эта статья заслуживает особого внимания и отдельного анализа. В данной работе мы коснемся только самых важных заключений, сделанных Рерихом.

Идея Юрия Николаевича сделать обзор развития индологии в России скорее всего была связана с планами Рерихов вернуться на родину. Известно, что еще до Второй мировой войны, в 1938 г., они обращались с таким прошением в советское полпредство в Риге. А после войны несколько раз посылали запросы о возвращении на родину уже советским властям в Москву.

Юрий Николаевич всегда чувствовал свою сопричастность российской науке, он, насколько это возможно было за рубежом, отслеживал развитие востоковедения в России, заказывал через издательства в Европе книги российских востоковедов.

При написании статьи «Индология в России» ученый, как и в других своих работах, продолжал придерживаться методологического принципа «Великой Индии», куда входило и географическое пространство Центральной Азии. Поэтому в успехи индологии в России закономерно для себя он включает достижения российского востоковедения не только в области собственно индологии, но и в области тибетологии, монголоведения, отмечает некоторые работы синологов, занимавшихся буддизмом. Непонимание этого взгляда Рериха на проблему может привести к критическим оценкам некоторых выводов его статьи.

При исследовании развития российской индологии Рерих использует также хронологический метод, излагая результаты своих исследований в строго последовательном, временном порядке. Начинает он со становления русско-индийских культурных связей в далеком прошлом. Он совсем не случайно акцентирует внимание именно на культурном взаимодействии. Именно оно, по его мнению, является почвой, на которой впоследствии и выросло древо российской индологии. Он справедливо замечает, что русский фольклор содержит достаточно много явных индийских мотивов.

Во время учебы в Гарварде Рерих интересовался темой индийского присутствия в русском народном творчестве и искусстве. Он был знаком с трудами крупнейшего исследователя скифской культуры профессора М.И. Ростовцева (1870–1952) и даже посещал его лекции о «Среднеазиатских влияниях на искусство юга России». Идеи Ростовцева о проникновении элементов индийской культуры на юг России, пусть и опосредованно, через кочевников Средней Азии, были близки Рериху.

⁵ Опубл. на русск. языке в [Рерих, 1999(6), с. 173–199].

Рерих также отмечает определенную роль в развитии русско-индийских отношений и получении сведений об Индии от индийской колонии в Астрахани. Он пишет, что «многие в России могли получать сведения об Индии непосредственно от индийских торговцев и ремесленников, которые жили в России в XVII столетии» [Рерих, 1999(6), с. 174].

В своем анализе российско-индийских культурных связей Рерих конечно же не мог обойти вниманием такие фигуры, как тверской купец Афанасий Никитин (ум. ок. 1475), посетивший в XV в. Индию и записавший свои наблюдения в дневнике, и русский музыкант Герасим Лебедев (1749–1817), проживший в Индии 12 лет. Причем Г. С. Лебедев не только послужил российской науке, но и сделал основательный вклад в развитие индийской культуры, основав в Калькутте театр, где играли пьесы на бенгали. Лебедев не только выучил бенгальский язык и писал на нем пьесы для Калькуттского театра, но и погрузился в серьезное изучение классического санскрита. Именно он по возвращению на родину отлил первый шрифт деванагари в России. (См. книги Хаята Мамуда и Я.В. Василькова (см.: [Васильков, 2017])).

Рерих упоминает основание в 1818 г. Азиатского музея, где была собрана большая коллекция восточных манускриптов, в том числе на санскрите и пали, принадлежащих Императорской Российской Академии наук. Многие ученые отметились изучением этой коллекции книг, работая над каталогами и указателями. Заметим, что с Азиатского музея берет свое начало современный Институт востоковедения РАН.

Рерих делает важное замечание о том, что востоковедение стало развиваться не только в Петербурге, но также в Москве и Казани. Таким образом, в России параллельно развивались три крупных центра востоковедения, базировавшихся в Санкт-Петербургском, Московском и Казанском университетах. Более того, в Казанском университете получили возможность обучаться так называемые инородцы, выходцы из Бурятии и Калмыкии, носители традиционной буддийской культуры.

Еще одну важную особенность в развитии отечественной индологии подметил в своей работе Рерих. Он пишет о том, что санскритология в России развивалась преимущественно на переводе и изучении буддийской литературы. Ученый замечает: «С самого начала изучения санскрита в России исследование этого классического языка Древней Индии было тесно связано с изучением буддизма, особенно его последней фазы – махаяны» [Рерих, 1999(6), с. 177].

Конечно же, такая специализация была определена исторически и культурно. Уже около четырех столетий российскими подданными были буддийские народы, которые исповедовали буддизм махаянского толка. Веками они имели многосторонние контакты со своими единоверцами в Монголии и Тибете. Российские буддологи с большой охотой погружались в изучение буддийской истории и философии и добились в этом непревзойденных успехов.

Рерих перечисляет в хронологическом порядке имена и труды российских ученых, продвигавших индологию в России. Наряду с собственно индологами указаны и тибетологи, и монголисты, и даже синологи, изучающие буддизм. Для Рериха естественно видеть в заслугах этих ученых вклад в развитие индологии. Ведь именно Индия и ее многогранная литература послужили истоком для развития северного буддизма. Буддизм, как известно, родившись в Индии, покинул свою родину и несколькими потоками распространился на север и восток от Гималаев, на юг в Шри Ланку и в Юго-Восточную Азию. Можно заметить, что Рерих не уделил внимания изучению в России южного и индокитайского буддизма, но на то была своя причина. Российские буддологи, как и сам Рерих, занимались преимущественно изучением северного буддизма. Ученый считал, что именно изучение северного буддизма было наиболее значимым в развитии отечественной индологии. Кроме того, именно северный буддизм является частью философско-религиозной культуры самой России.

В работе «Индология в России» Рерих, так же как и в статье «Профессор Чарлз Рокуэлл Ланман и его труды в области индологии», не преминул назвать семитомный «Петербургский санскритский словарь» О. Н. Бётлингга (1815–1904) и Р. Рота (1821–1895)⁶. Рерих упоминает, что этот словарь пользовался популярностью у исследователей⁷. Очевидно, что Ю.Н. Рерих и сам много пользовался этим словарем.

Рерих в своей статье приводит работы своих коллег не только на русском, но и на немецком, французском и английских языках. Он, как и большинство русских востоковедов, принадлежавших старой, дореволюционной школе российского востоковедения, хорошо знал несколько восточных и несколько западных языков, что позволяло делать такую трудную работу, как составление многоязычных словарей. Для ученых старой школы также было естественно писать свои статьи одновременно на нескольких западных языках. Сам Рерих публиковался, помимо русского, также и на английском языке; есть у него и франкоязычные публикации.

Импульсом к более быстрому развитию индологии в России Рерих считает тот факт, что со второй половины XIX в. для студентов историко-филологических факультетов русских университетов было введено обязательное изучение санскрита. Причем не только для востоковедов, но и для славистов. Введение широкого преподавания санскрита способствовало, по мнению Рериха, более быстрому прогрессу в развитии индологии в России.

Достаточно большую часть своей статьи «Индология в России» Рерих заслуженно посвящает буддологу Сергею Федоровичу Ольденбургу (1863–1934)⁸. Деятельность С.Ф. Ольденбурга ознаменовала целую эпоху не только в востоковедной науке, но и в работе Российской академии наук. Так сложилось, что Ольденбургу удалось поработать в имперской, а затем и в советской России. Рерих восторгался этим ученым; в статье он подробно перечисляет достижения выдающегося востоковеда.

Отмечает Рерих и очень важное направление научно-организационной деятельности С.Ф. Ольденбурга – организацию археологических экспедиций в Восточный Туркестан и в другие регионы Центральной Азии, а также на Дальний Восток. И хотя Ольденбург сам не ездил в большинство организованных им экспедиций, но опубликовал множество отчетов, которые Рерих наверняка изучал. Ученый хорошо знал историю русских экспедиций в Центральную Азию и их результаты, он сам имел возможность во время Центрально-азиатской экспедиции его отца побывать во многих местах, описываемых в отчетах русских исследователей.

Рерих отмечал важность проведения исследований древних сооружений Турфанского оазиса в Восточном Туркестане и их безусловную успешность, когда такие исследования велись коллективом известных ученых. Он писал: «Всеобщий интерес, вызванный археологическими исследованиями Восточного Туркестана, привел к образованию «Association Internationale pour l'Exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient» (Международной Ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии), по предложению XII Международного конгресса ориенталистов, состоявшегося в Риме, в 1899 г. Российская секция Ассоциации была создана в 1903 г. под руководством выдающегося тюрколога профессора В.В. Радлова» [Рерих, 1999(6), с. 184].

Много лет спустя, работая в Институте востоковедения АН СССР и зная об успешном историческом опыте международного сотрудничества ученых по изучению древностей Центральной Азии, Рерих выдвинул идею создания комиссии для изучения эпохи

⁶ Этот словарь находился в научной библиотеке Ю.Н. Рериха, на базе которой в 1960 г. был организован мемориальный кабинет Ю.Н. Рериха в Институте востоковедения АН СССР.

⁷ В 1879–1889 гг. вышла сокращенная версия этого словаря – [Böhrling, 1879–1889].

⁸ См. о нем первую биографическую книгу: [Каганович, 2006].

Кушанской империи, которая ознаменовалась расцветом буддийской культуры на территориях современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии и Восточного Туркестана. В конце 1950-х гг. со стороны советского комитета по проекту «Восток – Запад» было решено обратиться в ЮНЕСКО с соответствующим предложением. Разработать такую программу исследований поручили Рериху. Идеи ученого воплотились в проекте ЮНЕСКО по изучению цивилизаций Центральной Азии и последующем создании Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии, утвержденной в 1966 г.

Важной заслугой Ольденбурга Рерих считал также его участие в строительстве буддийского храма в Санкт-Петербурге. В комитет по строительству храма входил и отец Юрия – Н.К. Рерих.

Интересно, что, повествуя о строительстве буддийского храма в российской столице, Рерих делает следующее замечание: «По представлению проф. Щербатского комитет предложил приобрести в Индии целый индуистский храм и перевезти его в Петербург, однако Первая мировая война помешала этим планам» [Рерих, 1999(6), с. 186].

Конечно же, Рерих не мог обойти вниманием еще одну область деятельности Ольденбурга – замысел и реализацию большого проекта по публикации буддийских текстов, а также монографий на буддийские темы – серии *Bibliotheca Buddhica*, которая была начата в 1897 г. Рерих называет эту серию «одним из его [т. е. Ольденбурга] величайших достижений, которое принесло Российской Академии наук заслуженную славу» [Рерих, 1999(6), с. 183]. В 1945 г. Ю.Н. Рерих писал: «Серия включает 30 томов (вышедших до 1937 г.), и есть надежда, что после окончания войны ее публикация будет возобновлена Академией наук» [Рерих, 1999(6), с. 183].

Чтобы серия *Bibliotheca Buddhica* была продолжена, Рерих, вернувшись после долгой эмиграции в советскую Россию в 1957 г., сам прилагал значительные усилия. Работу над серией он мыслил не только как дань памяти основателю этого проекта, но и как продолжение преемственности русской индологической школы уже в советское время, что было очень важно в условиях науки, подвергшейся репрессиям.

С большим трудом серию *Bibliotheca Buddhica* удалось продолжить. Под редакцией Рериха в этой серии в 1960 г. была издана «Дхаммапада». [Дхаммапада, 1960]. К 1990 г. в серии *Bibliotheca Buddhica* числилось 37 томов.

Рассматривая научную деятельность члена Российской Академии наук, руководителя кафедры санскрита в Ленинградском университете, санскритолога, буддолога Ф.И. Щербатского (1866–1942), Рерих упоминает большой международный проект по изданию «Абхидхармакоши» Васубандху. Издание «Абхидхармакоши» должна была осуществить собравшаяся зимой 1912 г. в Париже группа известных ученых с мировым именем – Л. Де Ла Валле Пуссен, С. Леви, У. Вогихара, Э. Денисон-Росс. Входил в эту группу и русский исследователь Ф. И. Щербатской. Некоторые из переводов группы были опубликованы в серии *Bibliotheca Buddhica*.

Проект по изданию «Абхидхармакоши» Васубандху с участием Щербатского был продолжен группой ученых Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН под руководством В.И. Рудого (1940–2009) [Абхидхармакоша, 1990].

Как уже упоминалось, Рерих считал буддологию неотъемлемой частью индологии, поэтому для него было естественным появление в ряду индологов имен выдающихся русских монголистов, таких как А.М. Позднеев (1851–1920), известный работами по истории буддийских монастырей Монголии, буддолог, историк и филолог Б.Я. Владимирцов (1884–1931), академик АН СССР С.А. Козин (1879–1956), занимавшийся монгольской эпической литературой и фольклором.

Интересно, что, повествуя о российской индологии, Рерих упоминает публикации, сделанные в Монголии под эгидой Монгольского ученого комитета: это перевод на мон-

гольский язык «Жизни Будды» Л.Н. Толстого (*Burqan sigemuni yin cedig orasibai*), выполненный его председателем Ц. Жамцарано (1881–1942), и, что самое интересное, – книгу «Основы буддизма» Е.И. Рерих (Улан-Батор, 1926), матери Юрия.

Как одну из составляющих культурного поля российской индологии Рерих отмечает проникновение с конца XIX в. знаний о Востоке в среду российской интеллигенции. Он пишет: «С конца прошлого столетия российская общественность стала проявлять значительный интерес к индийской философии, искусству и литературе» [Рерих, 1999(6), с. 192].

Действительно, благодаря деятелям культуры и искусства в России возник целый пласт литературы индийской тематики. Рерих перечисляет некоторые из этих произведений: «Поэт Балтрушайтис дал прекрасное переложение на русский язык “Бхагавадгиты” <...> Русские поэты также прониклись очарованием индийской литературы. Уже поэт В.А. Жуковский (1783–1852) дал русский перевод знаменитой поэмы о Нале и Дамаянти <...>. Русский символист и поэт Константин Бальмонт перевел “Буддхачариту” Ашвагхоши (Жизнь Будды. М., 1913. Предисл. проф. С. Леви), а также, с помощью проф. Ольденбурга, драмы Калидасы (Калидаса. Драмы. М., 1916) с предисловием проф. Ольденбурга о Калидасе и его творчестве. Это издание включает переводы “Шакунталы”, “Малыкагнимитры”, “Викраморваши” и элегической поэмы “Мегхадута”. <...> Многочисленны русские переводы произведений Рабиндраната Тагора, некоторые из которых очень высокого уровня, как, например, “Гитанджали”, блестяще переведенная на русский язык поэтом Балтрушайтисом» [Рерих, 1999(6), с. 192–193].

К успехам русских писателей на ниве постижения Индии Рерих добавляет и творчество таких художников, как В.В. Верещагин (1842–1904) и Н.К. Рерих (1874–1947), создавших целые серии картин на индийские сюжеты.

После перечисления научных заслуг санскритолога, тибетолога Е.Е. Обермиллера (1901–1935) Рерих подводит некоторую черту, относя всех ранее названных ученых к старой школе русского востоковедения. Он пишет: «Обозревая современный нам период, можно заметить значительное смещение интереса от традиционных областей санскрита и буддизма к санскритской беллетристике, современным индийским языкам и литературе» [Рерих, 1999(6), с. 195].

К череде индологов «нового периода» Рерих относит прежде всего академика А.П. Баранникова (1890–1952), специалиста по современным индийским языкам В.М. Бескровного (1908–1978), санскритологов Б.А. Ларина (1893–1964), И.Д. Серебрякова (1917–1998) и Р.И. Шор (1894–1939). Рерих также отмечает инициативу Института востоковедения по переводу на русский язык «Махабхараты», предпринятому В.И. Кальяновым (1908–2001).

Подводя итоги рассматриваемой нами статьи Рериха «Индология в России», можно заключить следующее: в условиях эмиграции и оторванности от крупных научных центров, а также от своих коллег в России Рерих произвел по возможности достаточно широкий анализ состояния дел в российской индологии до 1945 г. На это исследование отпечаток наложили и собственные интересы Рериха, а именно научный интерес к области изучения северного буддизма и исследований буддийских культур Центральной Азии. Как уже упоминалось, Рерих понимал Индию не в географическом смысле, а как «великий Индийский культурный континент». Так, он писал: «Мы попытались дать краткий обзор работы, проделанной русскими учеными в области индологии. Мы видим, что значительная часть этой работы была посвящена изучению северного буддизма и что в последние годы было заложено крепкое основание для исследования современной Индии, ее языков и литературы. Географическая близость и исторические связи побудили русских учёных уделить особое внимание изучению и исследованию Центральной Азии (Туркестана, Монголии, Тибета), региона, который в течение первого тысячелетия на-

шей эры являлся частью великого Индийского культурного континента, многие места которого до сих пор хранят бесценное наследие индийской культуры и мысли» [Рерих, 1999(6), с. 198].

Особенностью рериховского обзора также является то, что он более подробно дал срез именно старой, дореволюционной школы индологии, к которой относились выдающиеся русские ученые, по праву занимающие достойное место в мировой индологии.

Уместно заметить, что в советской России развитие индологии, да и в целом всего востоковедения, было трудным и драматическим. Все, что было связано с религией и духовной философией Востока, не отвечало идеологическим установкам партийного руководства страны. Поэтому многие ученые вынуждены были заниматься проблемами современного состояния стран и народов Востока, делая упор на историю национально-освободительных и рабочих движений. Классическое востоковедение не было востребовано. Рерих, по всей вероятности, знал об этой ситуации в советском востоковедении и выражал мысль о необходимости продолжения традиций именно классического востоковедения. Поэтому и писал, что «старая традиция еще не исчерпала себя, и есть признаки того, что она заявит о себе в будущем» [Рерих, 1999(6), с. 195].

Как известно, многие российские ученые, в том числе и Ю.Н. Рерих, оказались за границей, а те, которые работали в СССР, не имели возможности выезжать за рубеж для исследовательской работы, а также для общения со своими коллегами; был затруднен обмен соответствующей научной литературой. В 1930-х гг. по судьбам многих востоковедов проехал каток репрессий. В итоге буддология, и особенно тибетология, можно сказать, почти перестали существовать. После возвращения на Родину в 1957 г. Рериху пришлось буквально возрождать утерянную научную школу.

И здесь, конечно, стоит упомянуть тот колоссальный вклад, который Рерих сделал в сфере подготовки молодых советских индологов, а также буддологов и тибетологов. Многие его ученики стали гордостью отечественной науки. А после распада СССР те, которые не уехали за рубеж и остались работать в послеперестроечной России, когда, как и в первые годы советской власти, было не до науки, тем более гуманитарной, сохранили традиции и сумели передать их уже своим ученикам, а те – своим. Таким образом, выстроилась единая линия учителей (на санскрите – *парампара*), следующих друг за другом и воплощающих единую традицию. Преемственность отечественной школы индологии сохранилась. И Рерих, как никто другой, поспособствовал этому.

Вслед за представлятьелами старой школы индологии, о которых писал Рерих в своей статье, стоит назвать учеников и сотрудников Рериха, достойно продолживших дело своих старших коллег. Причем в какой-то мере к ученикам Рериха можно отнести не только тех, кто были его студентами или аспирантами, но и тех, кто сотрудничал с ним, участвовал в совместных проектах, а также в заседаниях возглавляемого им сектора философии и истории религий Индии в Институте востоковедения, превратившихся в своеобразный семинар, а также всех тех, кто воспринял его идеи и находился в поле его мысли. Назовем этих учёных⁹.

Е.С. Семека (р. 1931) исполняла обязанности секретаря Ю.Н. Рериха с 1958 г. Под его руководством она исследовала буддизм хинаяны, стала автором монографии «История буддизма на Цейлоне: (сангха в древности и в средние века)» [Семека, 1969]. В начале 1970-х гг. уехала в эмиграцию¹⁰.

Н.Ю. Лубоцкая (1933–1985) – санскритолог также в свое время выполнявшая обязанности секретаря Рериха; под руководством своего наставника она начала заниматься

⁹ См. также [Востоковеды России... 2008].

¹⁰ Е.С. Семека совместно с А. Я. Сыркиным подготовили книгу о Ю.Н. Рерихе [Статьи и воспоминания о Юрии Рерихе..., 2014].

изучением шастр, защитила кандидатскую диссертацию. Стала первым хранителем Мемориального кабинета Рериха в Институте востоковедения. В начале 1970-х гг. эмигрировала. Ее сын, А. М. Лубоцкий (А. Lubotsky), стал видным голландским индологом¹¹.

О.Ф. Волкова (1926–1988) работала под руководством Рериха в секторе ИВ АН СССР. Под влиянием Рериха начала заниматься буддийской философией. Преподавала классический санскрит некоторым ученикам Рериха¹².

И.М. Кутасова (р. 1930) под руководством Рериха исследовала наследие Нагарджуны и буддийской школы мадхьямика, основателем которой он явился.

Ю.Я. Цыганков (1924–2009) – санскритолог, много лет заведовал Мемориальным кабинетом Рериха.

Т.Я. Елизаренкова (1929–2007)¹³ – лидер классической индологии, занималась ведийской культурой, перевела и опубликовала тексты «Ригведы», а также «Атхарваведы». С Рерихом занималась ведийским языком, входила вместе с ним в комиссию по редактированию переводов Б.Л. Смирнова «Махабхараты». Оставила много замечательных воспоминаний о своем учителе – Ю.Н. Рерихе¹⁴.

В.Н. Топоров (1928–2005)¹⁵ – филолог широкого профиля, работал не только в области индологии, но и в индоевропеистике и славистике; действительный член АН СССР. В 1960 г. вышел его перевод с пали важнейшего памятника буддийской литературы «Дхаммапады». Этим текстом была возобновлена серия *Bibliotheca Buddhica*, прерванная в 1938 г. Ю.Н. Рерих, как упоминалось, упорно добивался возрождения этой серии, призванной стать связующим звеном между старой школой индологии с традициями Ф.И. Щербатского и С. Ф. Ольденбурга и новой советской наукой. Рерих стал ответственным редактором этой публикации.

М.А. Пятигорский (1929–2009)¹⁶ – мыслитель широкого охвата, знаток санскрита и тибетского языка, создатель совместно с С.Г. Рудиным (1929–1973) первого тамильско-русского словаря [*Тамильско-русский...* 1960], автор многочисленных трудов по буддийской философии. Рерих преподавал Пятигорскому санскрит, увлек его буддийской философией. В начале 1970-х гг. Пятигорский уехал в эмиграцию и стал профессором Школы востоковедения и африканистики (SOAS) Лондонского университета. В постсоветские годы неоднократно приезжал в Россию, читал лекции, участвовал в программах ТВ¹⁷.

А.Я. Сыркин (р. 1930) работал в ИВ АН СССР в 1961–1977 гг., византист и индолог, исследовал тексты Древней Индии, переводил упанишады¹⁸. Посещал заседания возглавляемого Рерихом сектора философии и истории религий Индии в Институте востоковедения. В конце 1970-х гг. уехал в эмиграцию, стал профессором Иерусалимского университета. В постсоветские годы неоднократно приезжал в Россию и издавал здесь свои переводы с санскрита.

А.В. Герасимов (р. 1936) – санскритолог, занимался Атхарваведой, участвовал в заседаниях сектора философии и истории религий Индии в Институте востоковедения, возглавляемого Рерихом. В конце 1970-х гг. эмигрировал.

В.С. Костюченко (р. 1934) – индолог-историк, занимался ведантой и неоведантой Ау-робиндо Гхоша, участник заседаний возглавляемого Рерихом сектора.

¹¹ см. Sasha Lubotsky. Leiden University. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/staffmembers/sasha-lubotsky#tab-1> (Дата обращения: 16.09.2019).

¹² См. Сборник ее памяти [*SMARANAM. Памяти Октябрины...* 2006].

¹³ См. [*Indologica. Сборник статей памяти Т. Я. Елизаренковой.* Кн. 1, 2008; Кн. 2, 2012].

¹⁴ Ее воспоминания о Ю.Н. Рерихе см. в сборнике: [*Юрий Рерих: Живое наследие...* 2017, с. 163–180].

¹⁵ О В. Н. Топорове см., например: [*Владимир Николаевич Топоров...* 2006].

¹⁶ См., например: [Пятигорский, 2018].

¹⁷ Его воспоминания о Ю.Н. Рерихе см. в сборнике: [*Юрий Рерих: Живое наследие...* 2017, с. 14–162, 211–219].

¹⁸ См.: [*Упанишады...* 1992].

Г.М. Бонгард-Левин (1933–2008) – академик АН СССР и РАН, востоковед-историк, специалист в области истории и культуры Индии, Центральной и Южной Азии, оставил после себя многочисленные труды по истории и философии Древней Индии. Аспирант Рериха.

В.В. Вертоградова (р. 1933) – аспирантка Рериха в ИВ АН СССР, занималась с ним Ведами и буддийским санскритом, специалист по проблемам древнеиндийской филологии, поэтики, культуры и искусства, работала над расшифровкой и публикацией буддийских надписей на праkritах начала н. э., найденных при раскопках в Центральной Азии. В.В. Вертоградовой впервые был осуществлен перевод ряда санскритских трактатов по искусству и исследованы основные принципы формирования индийского текста по теории и технике живописи. В. В. Вертоградова долгие годы преподает студентам МГУ им. М.В. Ломоносова санскрит, пали, ведийский язык, является научным руководителем основанных в 1960 г. Рериховских чтений в Институте востоковедения ИВ РАН.

Ю.М. Алиханова (р. 1936) еще в студенческие годы занималась с Рерихом буддийским санскритом. Планировалось, что Рерих станет научным руководителем ее кандидатской диссертации, но смерть наставника не позволила это сделать. Ю.М. Алиханова занимается поэзией, драматургией и театром Древней и Средневековой Индии¹⁹.

Следуя логике статьи Рериха, следует назвать и его учеников-тибетологов.

Ю.М. Парфионович (1921–1990) – советский ученый-тибетолог, знаток китайского языка, с 1953 по 1990 г. работал в ИВ АН СССР. С 1964 г. до конца жизни совместно с супругой, В.С. Дылыковой, работал над завершением Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями Ю.Н. Рериха [Рерих, 1983–1993].

В.С. Дылыкова (р. 1938) – российский востоковед, тибетолог, синолог. Работала в Институте востоковедения с 1962 по 2005 г. Состоит в родстве с видным буддийским деятелем начала XX в. – Агваном Доржиевым. С Ю.Н. Рерихом познакомилась в 1958 г., будучи студенткой, через своего отца С.Д. Дылыкова, который был коллегой Ю.Н. Рериха по Институту востоковедения.

В.А. Богословский (1932–1986) – тибетолог, защитил диссертацию по средневековой истории Тибета. Будучи аспирантом, посещал занятия Рериха.

Н.П. Шастина (1898–1980) – монголовед, в соавторстве с Рерихом опубликовала статью «Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель» [Рерих, Шастина, 1960].

Были у Рериха аспиранты и из Бурятии и Монголии.

Бал-Доржи Бадраев (1929–1987) – тибетолог, работал в Бурятском институте общественных наук (Улан-Удэ).

Шегдарын Бира (р. 1927) – монгольский ученый, историк, культуролог, монголовед, академик АН Монголии Народной Республики, генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения. Почетный доктор МГИМО МИД России. Был аспирантом Ю.Н. Рериха с 1957 по 1960 г. Под руководством Ю.Н. Рериха разработал и защитил диссертацию «Опыт историографического исследования «Сэр-ги дэп-тэра» Дамдина (к вопросу об изучении монгольской тибетоязычной исторической литературы)» (1960 г.)²⁰.

Таким образом, те, кто учился у Ю.Н. Рериха и сотрудничал с ним, составляют достаточно большой коллектив ученых, оставивших заметный след в отечественной и мировой индологии. От Рериха они получили мощный интеллектуальный и духовный импульс, который позволил им сделать многое в науке. Конечно, и сами они являлись незаурядными людьми, но именно такие и притягивались в Рериху. Всех их можно отнести к так называемой рериховской школе.

¹⁹ См., напр., [Индийская лирика II–X вв., 1978].

²⁰ Его воспоминания о Ю.Н. Рерихе см. в сборнике: [Юрий Рерих: Живое наследие..., 2017, с. 181–196].

Что же объединяет учеников школы Ю.Н. Рериха? Прежде всего, это широкий взгляд на исследуемые темы. Рерих всегда был против сужения проблематики и дробления тем. По его мнению, они теряли свой смысл, если не вписывались в общую картину исследования. Именно синтетическая работа, дающая широкий взгляд, опирающаяся на уже имеющуюся литературу, была в его глазах реальным научным достижением. Такой работе он учил своих учеников, многие из которых продолжили следовать методологическим установкам Рериха. В некотором смысле можно говорить, что Рерих не только развил традицию старой школы отечественной индологии, но и заложил идеи новой методологии в российском востоковедении.

Для индологии в России Ю.Н. Рерих стал не просто вернувшимся из эмиграции ученым. Он не только обогатил отечественную индологию своими научными трудами. Он стал символом возрождения востоковедной науки, необходимым звеном в длинной цепи научной преемственности. О Ю.Н. Рерихе его ученики говорят как о подвижнике, сумевшим воссоздать утраченные позиции отечественной индологии. Во многом благодаря и его усилиям дореволюционная школа классической индологии продолжает существовать и поныне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абхидхармакоша (энциклопедия Абхидхармы). Памятники письменности Востока. LXXXVI. Bibliotheca Buddhica, XXXV. Пер. с санскрита, введение, комм., ист.-фил. исследование В.И. Рудого. М.: Наука, 1990 [*Abhidharmakosha (Encyclopaedia of Abhidharma)*]. Monuments of Eastern Writing. LXXXVI. Bibliotheca Buddhica, XXXV. Trans., preamble, comm., hist.-phil. studies by V. I. Rudoi. Moscow: Nauka, 1960 (in Russian)].

Васильков Я. В. *«Буреборственный путешественник»: жизнь и труды Герасима Степановича Лебедева (1749–1817)*. СПб.: МАЭ РАН, 2017 [Vassilkov Ya. V. “Storm-Struggling Traveller”: Life and Works of Gerasim Lebedev (1749–1817). Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS, 2017 (in Russian)] URL: http://lib.kunstkamera.ru/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-341-5 (дата обращения – 29.12.2019).

Владимир Николаевич Топоров (1928–2005). Сост. Г. Г. Грачева; вст. ст. Вяч. Вс. Иванов, Н.Н. Казанский. М.: Наука, 2006 [*Vladimir Nikolaevich Toporov (1928–2005)*]. Comp. G.G. Gracheva; Intr. Viach. Vs. Ivanov, N.N. Kazanskii. Moscow: Nauka, 2006 (in Russian)].

Востоковеды России, X – начало XXI века: биобиблиографический словарь. В 2 кн. С.Д. Милибанд. М.: Восточная литература, 2008 [*Orientalists of Russia, 20th – the beginning of 21st Centuries*]. In two books. S.D. Miliband. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008 (in Russian)].

Дамдинсүрэн Ц. *«Рамаяна» в Монголии*. М.: Наука, 1979 [Damdinsuren Tz. *Ramayana in Mongolia*. Moscow: Nauka, 1969 (in Russian)].

Дхаммапада. Перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова; отв. ред. Ю.Н. Рерих. М.: «Восточная литература», 1960 [*Dhammapada*]. Trans., pr., comm. by V. N. Toporov; Ed. G. Roerich. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960 (in Russian)].

Индийская лирика II–X вв. Пер. с санскр. и пракрита Ю. М. Алихановой и В. В. Вертоградской. М., 1978 [*Indian Poetry of the 2nd–10th Centuries*]. Trans. from Sanskrit and Prakrit by Yu. M. Alikhanova and V.V. Vertogradova. Moscow, 1978 (in Russian)].

Indologica. Сборник статей памяти Т. Я. Елизаренковой. Кн. 1. М.: РГГУ, 2008 [*Indologica. Collection of Articles in the Memory of T. Ya. Elizarenkova*]. Book 1. Moscow: RSHU, 2008 (in Russian)].

Indologica. Сборник статей памяти Т. Я. Елизаренковой: Кн. 2. Сост. Л.И. Куликов, М.А. Русанов. М.: РГГУ, 2012 (Orientalia et Classica XL. Труды Института восточных культур и античности) [*Indologica. Collection of Articles in the Memory of T. Ya. Elizarenkova*]: Book 2. Comp. L.I. Kulikov, M. A. Rusanov. Moscow: RSHU, 2012 (Orientalia et Classica XL) (in Russian)].

Каганович Б.С. *Сергей Федорович Ольденбург*. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006 [Kaganovich B.S. *Sergei Fedorovich Ol'denburg. Biographic Essay*. St. Petersburg: Fenix, 2006 (in Russian)].

Пятигорский А.М. *Избранные статьи по индологии и буддологии: 1960–1970-е годы*. Отв. ред. Л.Н. Пятигорская; сост. В. Г. Лысенко. М.: РГГУ, 2018 [Piatigorskii A.M. Selected Articles on Indol-

ogy and Buddhism: 1960–1970. Ed. L. N. Piatigorskaia; Comp. V. G. Lysenko. Moscow: RSHU, 2018 (in Russian)].

Рерих Ю.Н. Тохарская проблема. Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы*. Самара: «Агни», 1999(1). С. 127–135 [Roerich Yu. N. Tokharian Problem. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Samara: Agni, 1999(1). Pp. 127–135 (in Russian)].

Рерих Ю.Н. Память о тохарах в Тибете. Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы*. Самара: «Агни», 1999(2). С. 137–139 [Roerich Yu. N. Memory of Tokhars in Tibet. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Samara: Agni, 1999(2). Pp. 137–139 (in Russian)].

Рерих Ю.Н. Сказание о Раме в Тибете. Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы*. Самара: «Агни», 1999(3). С. 116–122 [Roerich Yu. N. The Story of Rama in Tibet. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Samara: Agni, 1999(3). Pp. 116–122 (in Russian)].

Рерих Ю.Н. Расцвет ориентализма. Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы*. Самара: «Агни», 1999(4). С. 13–19 [Roerich Yu. N. The Dawn of Orientalism. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Samara: Agni, 1999(4). Pp. 13–19 (in Russian)].

Рерих Ю.Н. Профессор Чарлз Рокуэлл Ланман и его труды в области индологии. Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы*. Самара: «Агни», 1999(5). С. 230–235 [Roerich Yu. N. Professor Charles Rockwell Lanman and His Indological Works. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Samara: Agni, 1999(5). Pp. 230–235 (in Russian)].

Рерих Ю.Н. Индология в России. Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы*. Самара, «Агни», 1999(6). С. 173–199 [Roerich Yu. N. Indology in Russia. Roerich Yu. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Samara: Agni, 1999(6). Pp. 173–199 (in Russian)].

Рерих Ю.Н. *Письма*. Том I (1919–1935 гг.). М.: МЦР, 2002 [Roerich Yu. N. *Letters*. Vol. 1 (1919–1935). Moscow: MTsR, 2002 (in Russian)].

Рерих Ю. Н., Шастина Н. П. Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель. *Проблемы востоковедения*. 1960. № 4. С. 140–150 [Roerich Yu. N., Shastina N. P. The Charter of Czar Peter I to Lubsan-tajji and Its Compiler. *Problemy Vostokovedeniia*. 1960. No. 4. Pp. 140–150].

Рерих Ю.Н. *Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями*. Под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. Вып. 1–11. М.: Наука, 1983–1993 [Roerich G. *Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels*. Eds.: Yu. Parfionovich, V. Dylykova. Vol. 1–11. Moscow: Nauka, 1983–1993].

Семека Е.С. *История буддизма на Цейлоне: сангха в древности и в средние века*. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. [Semeka E. S. *The History of Buddhism in Ceylon: Sangha in Antiquity and in Middle Ages*. Moscow: Nauka, 1969 (in Russian)].

SMARANAM. *Памяти Октябрины Федоровны Волковой*. Сб. статей. Москва: «Восточная литература», 2006 [SMARANAM. *In Memoriam of Oktiabrina Fedorovna Volkova*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2006 (in Russian)].

Статьи и воспоминания о Юрии Рерихе [Е. Семека, А. Сыркин; предисл. Е. Петренко]. Одесса: Изд. Одесского дома-музея им. Н. К. Рериха, 2014 (Seria Buddhica; вып. 5) [Articles and Recollections about Yuri Roerich [E. Semeka, A. Syrkin; Intr. by E. Petrenko]. Odessa: Memorial House of N.K. Roerich, 2014 (Seria Buddhica; Iss. 5) (in Russian)].

Тамильско-русский словарь. Под ред. Пурнама Сомамундарама. М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1960 [Tamil-Russian Dictionary. Ed. Purnama Somamundarama. Moscow: Foreign and National Dictionaries State Publishing House, 1960].

Упанишады. Перевод, предисловие и комментарии А.Я. Сыркина. М.: «Наука», «Ладомир», 1992 [The Upanishads. Transl., intr. and comm. by A.Ya. Syrkin. Moscow: Nauka; Ladomir, 1992 (in Russian)].

Юрий Рерих: Живое наследие. Материалы к биографии. Вып. I: Сборник статей и интервью. Сост. В.А. Росов. М.: ГМВ; Фонд «Дельфис», 2017 [Yuri Roerich: Living Heritage. Materials for the Biography. Iss. I: Collection of Articles and Interviews. Comp. V.A. Rosov. Moscow: GMV; Del'fis Fund, 2017 (in Russian)].

Юрий Рерих: молодые годы. Материалы к биографии. Вып. II: Сборник документов. Сост. В.А. Росов. М.: ГМВ, Фонд «Дельфис», 2016 [Yuri Roerich: Young Years. Biographical Materials. Vol. 2. Ed. V.A. Rosov. Moscow: GMV; Del'fis Fund, 2016 (in Russian)].

Böhtlingk O., Roth R. *Sanskrit-Wörterbuch*. 1–7 Theil. St. Petersburg, 1855–1875.

Böhtlingk O. *Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung*. I–VII. St. Petersburg, 1879–1889.

Olivelle P. *The Law Code of Viṣṇu: A Critical Edition and Annotated Translation of the Vaiṣṇava-Dharmaśāstra*. Harvard Oriental Series. No. 73. Harvard University Press, 2009.

Roerich G. *Tibetan Paintings*. Paris: Geuthner, 1925.

Roerich G.N. Indology in Russia. *Journal of the Greater India Society*. Vol. XII. No. 2. 1945. Pp. 69–98.

Roerich G. Professor Charles Rockwell Lanman and His Work in the Field of Indology. *Journal of Urusvati Himalayan Research Institute*. Vol. I. New York, 1931. Pp. 1–6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШУСТОВА Алла Михайловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alla M. SHUSTOVA, PhD (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.